

04 1990

6

3

7

ТУ-19-241-82

0

4

студия
ДИА ИЛЬМ

08—3—709

Вл. Муравьев
КНЯЖНА
ДАРЬЯ РОСТОВСКАЯ
ЛЕГЕНДА

Художник К. Безбородов

Княжна Дарья сидела в горнице возле окна, вышивала цветными шелками и поглядывала в окно на широкий двор.

На взмыленном коне прискакал незнакомый всадник, осадил коня посреди двора, спрыгнул на землю и бегом по крыльцу в дом взбежал.

Потом видит княжна, слуга побежал из княжеских хором к
дому старого воеводы Никифора Лихошерста.

А вот и сам воевода идёт-поспешает. Княжна к нему: «Дядя Никифор, с чем гонец прибыл?»—«Не твоё это девичье дело, княжна»,—сурово ответил воевода.

«Коли так, сама всё узнаю»,—сказала себе княжна. Пробралась она в боковушку-кладовушку, из которой в горницу окошечко прорезано, а через него всё видеть и слышать. 6

Говорит гонец: «Идёт на Русь с несчётной ордой хан Мамай, похваляется всю Русь разорить, а московский князь Димитрий Иванович сзывает под своё знамя на великую битву против хана все русские княжества. Просит князь Димитрий, пришли, княгиня, в общее войско сколько можешь воинов».

Мать-княгиня заохала: «Ох, беда какая! Нас и защитить неко-
му: муж мой, князь, три года назад умер, сыну—всего шестой
годочек, да и рати у нас, по бедности нашей, вовсе нет...» 8

отъ и горько о собственной бедности говорить, да никуда от неё не денешься. В давние времена Ростовское княжество было обширно и богато, и князь ростовский жил в славном городе Ростове Великом.

Но давно минули те времена.

Как начали ростовские князья делить княжество между своими детьми, а те между своими, и разделилось обширное княжество на множество вотчин! Тогда появилась на Руси пословица: «В Ростовской земле князь в каждом селе». Но за всеми этими князьями осталось прозвание—Ростовские. В таком-то селе княжил и отец Дарьи.

Воевода Никифор Лихошерст вздохнул и сказал: «Дело-то общее, княгиня. Невозможно тому быть, чтобы от земли, где княжил Василько, в той битве не будет никого. Хоть я один поеду, и один лишний меч—всё войску помощь».

Ушла княжна Дарья в свою горницу, сама думает про князя Василька, про далёкого предка своего, который жил полтора ста лет тому назад; про него и отец не раз поминал, и воевода Никифор Лихошерст рассказывал.

Княжил Василько в те времена, когда завоевали Русь бесчисленные полчища хана Батыя. Было татар по десять, по двадцать, по сто человек на одного русского воина, они жгли города и деревни, людей убивали, а оставшихся в живых обращали в своих рабов и данников.

В жестокой сече побили татары ростовскую рать, а раненого князя Василька в плен взяли.

Говорит ему хан Батый: «Видел я тебя, князь, в бою, ты—храбрый воин, иди ко мне служить, и я тебя награжу».—«Будь ты проклят, хан Батый, не буду я тебе служить, не изменю родной земле»,—ответил Василько и плюнул хану в глаза.^[14]

Убили Василька и бросили в лесу на растерзание зверям. Ночью ростовцы тайно подобрали его тело и похоронили в Ростове, в соборе. А шлем его, иссечённый вражьиими саблями, до сих пор цел и в княжьей оружейной горнице хранится...

И замыслила княжна Дарья одно дело. Воевода Никифор Лихошерст в поход снаряжается: оружие, доспехи осматривает, коня готовит.

Подгадала Дарья, когда воевода повёл коня к речке на водопой, догнала его и говорит: «Дядя Никифор, возьми меня с собой в поход». Воевода от удивления даже уздечку из рук выпустил: «Как я тебя возьму, ведь ты же девица!»

«Ну и что ж, что девица!—воскликнула Дарья, подхватила уздечку, кошкой вскочила на коня и подняла его на дыбы.— Или я на коне скакать не умею?»—«Уметь-то умеешь, а всё-таки...»—покачал головой воевода.

«Из лука в цель попадаю лучше многих,—продолжала уговаривать княжна,—меч подниму, я сильная. Сам сетовал, что из рода князя Василька некому выйти на бой, а во мне ведь его кровь...»

«Небось по твоему росту и доспеха нет»,—возразил воевода. «Поищем в оружейной»,—ответила Дарья. Пошли они в оружейную.

Надела Дарья порты мужские, облеклась в кольчугу, накинула плащ на плечи. Взяла шлем князя Василька, и пришёлся ей шлем впору.

Взглянул на неё воевода и сказал: «Коли шлем по тебе, значит, судьба и меч в руки взять...»

Воеводу княжна Дарья уговорила, а вот мать уговорить не надеялась. Поэтому решила она хранить свой замысел в тайне, а княгине и всем сказать, будто едет она на недельку-другую в гости к тётке.

Выехали воевода с княжной из города, воевода в воинском доспехе, княжна—в девичьей одежде.

Когда же город из глаз скрылся, переоделась и Дарья в доспехи, и никто теперь не догадается, что этот молодой ладный воин—девушка.

Подоспели воевода Никифор Лихошерст с княжной Дарьей к русскому войску в самый канун битвы. Стояло войско на поле, что звалось Куликовым. Битва завтра, а сегодня великий князь московский Димитрий Иванович объезжал сошедшие со всей Руси рати.

Подъехал он и к Дарье и воеводе Никифору Лихошерсту:
«Тебя, воевода, помню. А ты, княжич, чей будешь?»—«Димитрий Ростовский,— ответила Дарья,— сын князя Ивана».—
«Сколько же тебе лет?»—«Шестнадцать. Но я всё умею, отца не посрамлю...»

Отъехал князь Димитрий Иванович, стал припоминать: вроде бы у Ивана Ростовского не было сына таких лет, но другие мысли отвлекли его, и он перестал думать про юного княжича.

Наутро началась битва на Куликовом поле. Как повелось от века, первыми перед выстроившимися войсками сразились два богатыря—русский и татарский, и оба упали мёртвыми.

Тогда завязалась жестокая битва на всём огромном Куликовом поле.

Бьётся конница,

бьются пешие мужики-ополченцы.

Княжна Дарья и воевода Никифор Лихошерст в самом жарком месте битвы оказались. Воевода тяжёлым мечом врагов крушит, от княжны ни на шаг не отходит.

Отрезали татары от русского полка десятка полтора русских конников, а среди них князь Димитрий Иванович, раненый, окровавленный. Бьются русские, но одолевают их татары. 34

Как увидела это Дарья, закричала: «Выручай князя!»—и завернула коня. «Стой! Не отрывайся от всех! Убьют!»—кричит воевода.

Но она несётся, не слушает. Пришлось Никифору за ней скакать. Машет саблей Дарья, не столько от её сабли урона, сколько страха—уж больно быстра!

Растерялись татары, а у окружённых сил прибавилось, ударили—пробились. Весь день длился бой, на исходе дня побежали татары, побежал Мамай.

Очень жестокая битва была, много русских воинов полегло, но княжна Дарья и воевода Никифор Лихошерст живы остались.

Наутро отыскал их князь Димитрий Иванович. «Будь сыном мне»,—говорит он Дарье. «Не могу я быть тебе сыном».— «Почему же?» Вступил тут в разговор воевода: «Не пытай, Димитрий Иванович, почему. Уж поверь моему слову, есть тому причина».

«Коли так, великое спасибо тебе, княжич, от Руси и от меня.
Знай, что в дому моём всегда будешь желанным гостем».

Вернулся воевода Никифор Лихошерст в родную Ростовскую землю, рассказал о победе и избавлении Руси от нового вражьего нашествия.

Вскоре вернулась домой и княжна Дарья. «Хорошо ли погостила?»—спрашивает её мать. «Хорошо,—отвечает княжна.—Знатное было пируваньё».

Так никто правды и не узнал. Старый воевода молчал, а что на шлеме князя Василька к старым вмятинам и царапинам прибавились новые—не заметили, уж слишком много их было на старом боевом шлеме.

Художественный редактор В. ДУГИН

Редактор Г. ВИТУХНОВСКАЯ

Д-196-84

© Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1984 г.
103 062, Москва, Старосадский пер., 7

Цветной 0-30